

ских писателей знакомил англоязычных читателей полпред нашей литературы в Лондоне Р. Бухараев.

Стоит отметить, что и гонорары были неплохие, на них можно было жить. Куда всё подевалось? Конечно, у нас и нынешние переводчики не лыком шиты. Целенаправленную переводческую работу ведёт Татарский центр Международного ПЕН-клуба. С его помощью на русский, английский, турецкий языки переведены десятки произведений классиков и современных авторов татарской литературы. Остались ещё единичные энтузиасты переводческого дела. Но масштабы теперь всё равно не те. Взаимосвязь национальных литератур на постсоветском пространстве практически утрачена, а государству далеко не до неё.

Так что проблема налицо. Не напрасно она была вынесена на «круглом столе» Государственного Совета РТ, куда были приглашены руководители творческих союзов республики. Время решать её припела. И не только организационными мерами. Как всегда, на крутом повороте истории, чистое течение процесса, в нашем случае – переводческого, нарушилось, взбаламутилось... С высоким профессионализмом перемешались любительство, ремесленничество, дилетантство. И надо опять начинать с азов, со школы, с основополагающих вопросов художественного перевода, где одним из главных и вечных остаётся всё те же два полюса – точность и свобода перевода.

Об этом будут рассуждать участники нашей дискуссии. Мы же вспомним лишь один стихотворный перевод. Он сделан замечательным русским поэтом и переводчиком Иваном Козловым (1779–1840), кстати, внуком капитана и кораблестроителя Казанской верфи. Это стихотворение английского поэта Томаса Мура. Оно стало классической русской и поистине народной песней. Все её знают – «Вечерний звон». Вот образец переводческого мастерства! Или нет? Или всё-таки английское стихотворение не должно становиться русской народной песней?

Итак, тема в общих чертах задана. Далее статьи, точки зрения, образцы художественного перевода, анкета, конкурс...

Редколлегия

Переводчик – это толмач или соавтор?

Анкета

1. Известно, что среди переводчиков есть «буквалисты» (то есть те, кто держится при переводе «буквы» текста) и «вольники» (уходящие от «буквы» с тем, чтобы вернее передать дух текста или улучшить его). Какая позиция вам ближе? И почему?
2. Кто для вас является примером высокого класса переводческой работы? Поясните...

3. В каких случаях переводчик должен применять не перевод, а пересказ?
4. С каким отношением к своим переводам вы сталкивались со стороны авторов? Сплошные благодарности, претензии?..

Вячеслав Куприянов:

15

1. Сейчас нет редактора, который бы спрашивал с переводчика соответствие его работы оригинальному тексту, нет (или почти нет) издателя, который бы заказал такую работу переводчику, которого он ценит, и среди малого числа любителей поэзии, ещё более жалкое число может отличить хороший перевод от плохого. Если переводят с подстрочника, то часто не вникают в поэтику оригинала, поэтому верлибр рифмуют (при этом банально и небрежно), а регулярный стих переводят рубленой прозой, выдавая это за верлибр. Мне ближе позиция, когда я чувствую, что эти стихи (в оригинале) меня выжирают. И в зависимости от движения моей мысли параллельно с мыслью другого автора появляется перевод, который я считаю своим. Он может склоняться к буквальному при некоторых «точных» верлибрах, а может и получиться вольным при строгой поэтике. Но без нарушения стилистического образа автора. Ещё можно сказать: перевод только «точный» может играть роль ознакомительную или «культуртрегерскую». Перевод же «духа» может и должен претендовать на вхождение в родную словесность на правах «подлинника», как некоторые переводы Пушкина, Лермонтова, иногда – Пастернака.

А вот «улучшать» не надо. Не стоит переводить то, что на это напрашивается. Всё-таки дам небольшой пример из моей работы. Это одно из поздних стихотворений Райнера Марии Рильке:

**Мы только голос. Кем воспета даль,
где сердца всех вещей единый звон?
Его удар внутри нас разделён
на ровный пульс. Великая печаль
и радость сердца велики для нас,
и мы от них бежим, и каждый час
мы – только голос.
Лишь внезапный миг –
в нас сердца звон негаданно возник,
и мы – весь крик.
И лишь тогда мы – суть, судьба и лик.**

В оригинале не «голос», а буквально (Mund) – рот. Есть и такой перевод этой строки: «Мы – только рот». Звучит странно. «Рот» в русском языке привычнее

Вячеслав Куприянов (1939) родился в Новосибирске. Писатель и переводчик. Окончил переводческий факультет Московского педагогического института иностранных языков. Член Русского ПЕН-центра. Его книги удостоены международных литературных премий, в том числе – Бунинской (2010).

связан с едой, с речью же только в одном речении: «закрой рот». В немецком иной ореол у этого слова. Например, «Volksmund» – это не «народный рот», а «народная мудрость» (фольклор). Кстати, иногда любопытно знать, что говорят современники об авторе. Друг Рильке, философ-физиогномист, писал, что у Рильке очень большой рот, и даже назвал его «половым органом» Рильке! Другой переводчик – Владимир Летуций перевёл так: «Мы лишь уста». Но это слово у нас опять-таки («уста сахарные»), ближе к «любовному» контексту (поцелуя), а не пения и крика. Потому мой выбор можно назвать «вольным», но именно «голос» (гортань?) выстраивает это стихотворение, а не физическая часть лица...

2. Идеальный перевод лермонтовского «Выхожу один я на дорогу» на немецкий язык совершил Рильке. Владимир Бурич адекватно переводил польский верлибр. Старые мастера остаются таковыми: Пастернак (при всех вольностях), Вильгельм Левик, Аркадий Штейнберг, Михаил Зенкевич, Лев Гинзбург (хотя он часто «увеселял» свои переводы. Ближе к нашему времени – Анатолий Гелескул, (он придавал тому же Лорке более буйные краски). Поэтически (именно поэтически!) был точен Сергей Гончаренко. Сейчас наиболее активно работает Евгений Витковский (все переводы с разных языков на высоком уровне русского стиха, но чтобы за точность ручаться, надо вгрызаться в гранит иных неизвестных языков). Продолжает свой труд со «своими» немецкими авторами Вальдемар Вебер, и всегда радуется волшебными итальянцами Евгений Солонович. Со своим Петраркой неустанно соперничает Алексей Бердников, хотя публикует он эти соеты только в Интернете.

3. Пересказ, это если закажут что-то переделать для детей, или для впавших в детство современников. Есть проблемы с восточными языками. Академик Алексей утверждал, что старинные китайские поэты непередадимы. Потому здесь случается не пересказ, а перепев.

4. Со стороны авторов прошедших веков замечаний не было, хотя я бы с удовольствием выслушал бы их от Гёльдерлина или Рильке. Эрих Фрид, очень плодовитый поэт, когда ему в Берлине вручили книжку с моими переводами, удивился, что она такая «маленькая». Приятно было услышать, что Вислава Шимборска успела одобрительно отозваться о моих переложениях, хотя их было немного.

Мне самому было интересно работать с переводчиками моих стихов на немецкий и на английский, особенно важно было следить за переводом фразеологии, за передачей некоторых русских речевых клише (поговорок, поговорок, скрытых цитат). Существуют непередаваемые места, где надо до-фантазировать (не улучшать!).

Была ещё такая головоломка: я помогал испанскому поэту с помощью немецкого языка переводить некоторые «супрематические» образы Пастернака: «Тем часом, как сердце, плеча по площадкам, Вагонными дверцами сыплет в пути»... Попробуйте это объяснить по-русски!

г. Москва

Люция Гиззатуллина:

1. К счастью, как читателю мне не пришлось знакомиться с «побуквенным» переводом художественной литературы. Потому что в наши школьные годы на татарском языке издавались истинно художественные, талантливые переводы классиков мировой и русской литературы. Читая их, мы не обращали внимания, что это переводы. Для нас они были подлинными, настоящими, оригинальными произведениями. Вот хотя бы некоторые из них: «Приключения Незнайки и его друзей» Н. Носова, «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Последний из могикиан» Ф. Купера, «Угрюм-река» В. Шишкова, «Тихий Дон» М. Шолохова, рассказы и повести Ч. Айтматова и даже «Евгений Онегин» А. Пушкина. Надо признать, это был у р о в е н ь – и по качеству, и по масштабам.

Спустя годы, работая в Татарском книжном издательстве, я оказалась в окружении таких мастеров художественного перевода, как Киям Миннибаев, Раис Даутов, Тагир Нурмухамметов, Яхъя Халитов, Фания Гайнанова, Азалия Бадюгина, Лирон Хамидуллин, Рим Шириязданов и др. Они были принципиальными противниками кальки. Они учили, что в художественном переводе не следует воспроизводить оригинал слово в слово, придерживаться авторской структуры предложения, надо, прежде всего, думать о нюансах встретившихся на переправе языков. Особенно это касается пословиц и поговорок, фразеологических оборотов. Если их переводить буквально, получается нелепость. Не будет естественного звучания фразы. Здесь необходимо подыскивать языковые аналоги, адекватные варианты. В этом отношении интересен факт: Н. Хрущёв, выступая в США, произнёс фразу «Мы покажем вам кузькину мать!» А переводчик это перевёл: «Мы покажем вам мать Кузьмы!» Вот характерный пример кальки, перевёртыша.

В то же время не уважение к оригиналу, отсебятина просто не допустимы, как и «улучшение» пейзажей, портретов, смыслов, одним словом, текстов подлинника. Хотя некоторые отклонения от оригинала возможны. Однако они ни в коем случае не должны искажать содержание, противоречить духу оригинала, особенностям стиля автора, художественной ценности произведения.

2. В 50-е годы, с приходом в Татарское книжное издательство молодых талантливых переводчиков, таких как К. Миннибаев, Р. Даутов, Т. Нурмухамметов, Я. Халитов, Ф. Гайнанова была создана настоящая Школа художественного перевода (имею в виду перевод с русского на татарский язык). Начала работать секция при Союзе писателей РТ, хотя позже и у секции русскоязычной литературы появилась приставка «и перевода». Мы обсуждали новые работы, искренне, как дети, радовались своим и чужим успехам, удачным изданиям. А главное, нам, молодым, прививалось понимание необходимости перевода в качестве взаимопонимания и взаимопроникновения разных литератур, в качестве укрепления культурных свя-

Люция Гиззатуллина – редактор Татарского книжного издательства, член Союза писателей Татарстана, переводчик с русского на татарский язык. В её переводах вышли в свет: «Нос» Н. Гоголя, «Хаджи-Мурат» Л. Толстого. «Лесная сказка» С. Радзиевской, «Двенадцать путешественников» Х.-К. Андерсена, русские народные сказки и др. произведения.

зей, дружбы народов, как бы это банально сегодня не звучало. Но, согласитесь, теперь такой работы катастрофически не хватает.

Долгие годы секцию возглавлял Киям Миннибаев. Он любил повторять: перевод, как переправа, и она должна быть организована мастерски, чтобы роты, полки, дивизии слов в полном порядке и здравии могли переправиться на другой языковой берег. Киям-абый всю жизнь ратовал за повышение качества художественного перевода. Учил молодых, как азам переводческого дела, так и глубинным, техническим приёмам. Он говорил, что необходимо переводить не конкретное, не отдельно взятое слово или фразу, а воссоздавать художественное полотно в целом.

У нас было понимание, что перевод шедевров мировой и русской литературы не только расширяет их границы, но и обогащает татарскую литературу, учит работать со словом, сюжетом, развивает философскую мысль, расширяет мировоззрение. То время К. Миннибаев называл «Золотым периодом» художественного перевода. И не только для нашего народа, но и для многих национальных литератур страны.

3. Мне кажется, в случаях работы со сказками, например, фольклорным материалом, пересказ возможен. Особенно если текст, содержание оригинала сложен для восприятия детей. Здесь переводчик имеет право использовать своё видение, применять свой стиль, особенности и нюансы своего языка для воссоздания всей картины произведения.

4. В своё время я перевела на татарский язык «Лесную сказку» Софьи Радзиевской и «Медовый дождь» ленинградского писателя Николая Сладкова. С их стороны претензий не было. Однако хочу заметить, что авторы не могут в полной мере оценить своё произведение, переведённое на другой язык. Работая в издательстве с переводными вещами, часто сталкиваешься с такой ситуацией: автору перевод нравится, а начинаешь редактировать, так приходится попотеть – много стилистических ошибок, просто неграмотностей. Понятно, когда автор совсем не знает языка. Но и поверхностное понимание и даже, так сказать, «приличное» знание заставляет ошибаться писателя в оценке работы своего переводчика. Здесь надо доверять подлинным знатокам, специалистам, профессиональным редакторам...

г. Казань